

О роли феодальных родов в истории Вьетнама (к постановке проблемы). (Статья опубликована в сборнике «Социальные группы традиционных обществ Востока». Т.1. М., 1985, с.115–124)

Изучение истории Вьетнама XV–XVIII вв., проводившееся авторами данной статьи независимо друг от друга в течение ряда лет, привело к общему выводу о том, что понимание некоторых социально-экономических, политических и идеологических процессов указанного периода невозможно без предварительного изучения роли феодальных родов в жизни вьетнамского феодального общества. В отечественной и зарубежной литературе этот вопрос еще не был предметом специального исследования. Желание авторов обратить внимание на эту проблему, поделиться накопленным к настоящему времени материалом и сделать ряд выводов общего характера и привело к появлению этой статьи. Авторы отдают себе отчет в том, что в ходе дальнейших исследований многие выводы могут быть уточнены. Статья написана главным образом на материале XV — начала XVI вв.

* *
*

Расцвет родов гражданских и военных феодалов во Вьетнаме приходится на XV в., что хронологически совпадает с принятием неоконфуцианства в качестве официальной идеологии вьетнамского государства. По нашему мнению, и выделение феодальных родов, и упрочение позиций конфуцианства во Вьетнаме в XV в. были следствием начавшегося процесса ослабления общинной организации — фундамента вьетнамского общества этого периода. Основные этико-политические положения конфуцианства, сформулированные для «семейной» организации общества, не могли иметь успех во Вьетнаме до XV в. Вспомним, например, известное описание уровней общественной организации в «Великом учении»:

Поднебесная — государства — семьи — индивиды¹. Мысль о том, что «наведение порядка в государстве» зависит от «управления семьями», т. е. о том, что государство состоит из семей, а не из общин, вряд ли была очевидной для вьетнамских политиков X–XIV вв. В тот период вьетнамское государство больше устраивал буддизм с его общиной-сангхой.

Предпринятая нами попытка установить связи между указанными явлениями идеологического и социально-экономического характера может помочь объяснить тот неоднократно отмечавшийся в литературе факт, что в период «Северной зависимости» Вьетнам был совершенно невосприимчив к целому ряду явлений китайской жизни, к тому же активно насаждаемых Китаем; а в XV в., после почти пяти веков независимого развития, добровольно принял конфуцианство в качестве официальной идеологии.

Одним из главных элементов государственного устройства Дайвьета (самоназвание Вьетнама в XI–XVIII вв.) становится конфуцианская система подготовки и отбора кадров чиновников². При этом подготовка чиновников осуществлялась в частном порядке, государство же производило только отбор, который в конце XV в. был оформлен в систему многоступенчатых экзаменов «квалификации и выдвижения» (*кхоа кы*). Указанная особенность комплектования гражданского аппарата (подготовка к экзаменам требовала много времени и средств, для успешной их сдачи нужно было овладеть большим объемом текстов на *вэньяне*) привела к тому, что подготовка лауреатов конкурсов (т. е. чиновников) с самого начала стала наследственным занятием относительно узкой общественной прослойки³.

Вся система подготовки представителей гражданских родов была нацелена на

службу в государственном аппарате. Представители рода с раннего детства изучали древнекитайский язык, китайскую классическую литературу, произведения вьетнамских авторов. Со временем такие роды стали хранителями вьетнамского политического опыта, традиций подготовки политиков, образования и службы, научных и литературных занятий. Почти все представители таких родов были высокообразованными для своего времени людьми, обладали средствами, освобождавшими их от необходимости заботиться о куске хлеба, оказывали друг другу помощь, заключали межродовые браки, имели большие библиотеки, нередко пополнявшиеся их собственными произведениями, в частности, семейными записями (*зяфа*), в которых фиксировались служебные, научные и литературные достижения (*конг*) представителей рода.

В качестве примера существования родов гражданских чиновников в XV в. можно привести историю семьи Нгуенов из общины Кимдай, уезда Вонинь, провинции Киньбак. Представители этого рода успешно сдавали экзамены высшего уровня в трех поколениях. В первом поколении степень *тиенши* получили братья Нгуен Нян Тхиеп (1466 г.), Нгуен Сунг Сак (1469 г.), Нгуен Нян Зы (1472 г.), Нгуен Зить (1472 г.) и Нгуен Нян Би (1481 г.), которые занимали крупные посты в бюрократическом аппарате Дайвьета. Не менее высокие должности и у их потомков во втором и третьем поколении — *тиенши* Нгуен Хоанг Кхоана (1490 г.), Нгуен Кунг Тхуана, Нгуен Дао Зиена, Нгуен Киня и Нгуен Хуана (все — 1496 г.) и Нгуен Ли Куанга (1508 г.)⁴.

Сложность и важность функций, выполняемых в обществе родами гражданских чиновников, обусловили их определенную неприкосновенность, так как без услуг этих родов пришедшие к власти правители не могли построить государственный аппарат. В связи с этим ни одно социальное потрясение, которыми богата история вьетнамского государства XV—XVIII вв., не сопровождалось массовыми репрессиями в отношении гражданских чиновников, а главное — их родов. Гражданский аппарат, как правило, сравнительно мирно переходил на службу новым властителям⁵.

«Дипломированные» чиновники из гражданских феодальных родов имели право на относительно крупный земельный надел в своей собственной общине, а также такие привилегии, как освобождение от всех налогов, воинской повинности и общественных работ. Кроме того, на время службы в государственном аппарате они получали вознаграждение в виде отчисления части или всей суммы земельного налога с одной или нескольких общин. Все это помогало материально поддерживать статус рода, дать образование детям и подготовить их к сдаче конкурсных экзаменов. Кроме того, у гражданских родов, по всей видимости, был и более стабильный источник поступлений — частные земли. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что гражданский род мог достаточно длительное время не посылать своих представителей на государственную службу или для участия в конкурсах, что автоматически лишало его казенного жалования и права на большой надел в своей общине. Впрочем, окончательный ответ на вопрос об экономической базе гражданских родов может дать лишь детальное изучение семейных хроник, общинных архивов и эпиграфики; можно лишь предположить, что социальной базой гражданского рода был мелкий и средний частник, появившийся в качестве массовой прослойки в результате расслоения общины в XV в. Более определенно можно говорить об экономической базе военных феодалов, для которых в конце XV — начале XVI вв. характерно объединение в крупные военно-олигархические группировки, игравшие решающую роль в политической жизни страны. Процесс формирования этой новой⁶ для вьетнамского общества формы организации господствующего класса уходит корнями во вторую четверть XV в., когда, после изгнания минских завоевателей, основатель династии Поздние Ле (1427—1789) — Ле Лой⁷ — и его преемники стали распределять государственные земли по иному принципу, чем их предшественники. Раньше господствующими формами феодального

землевладения были безусловные частные земли близкой к правящей династии высшей титулованной знати (*чангдиены*) и буддийских монастырей, а также условные владения феодальной бюрократии (*локдиены*), выразившиеся в праве на получение части земельного налога с общин, как правило, не находившихся под прямой юрисдикцией кормившихся с них чиновников и не связанных с ними земляческими и иными узами. В результате социальных потрясений конца XIV — первой четверти XV вв. подавляющая часть *чангдиенов* и большая часть земли буддийских монастырей попала в руки государства. При перераспределении многие из этих земель были переданы в качестве наследственных владений⁸ (*тыдиенов*)⁹ крупным военачальникам армии Ле Лоя, прочие — вновь стали общинными. Возвращая земли общинам, государство обязало их передать часть этих земель многочисленным представителям средних слоев регулярной армии в качестве условных (на время службы) владений (*куандиенов*). Главным отличием *куандиенов* от *локдиенов* было то, что они, во-первых, выделялись в «живом» виде, а не в форме отчисления получаемого с них земельного налога и, во-вторых, что главное, предоставлялись военным в общинах, к которым они сами принадлежали. Относительно большие наделы земли, получаемые средним слоем военных в рамках общины по сравнению с рядовыми общинниками, способствовали быстрому обогащению и феодализации этого слоя и его превращению в мощную экономическую, а затем и политическую силу, новую для Дайвьета.

Наиболее интенсивно новый слой формировался в провинции Тханьхоа. Это обуславливалось тем, что большинство военачальников и офицеров армии Ле Лоя являлись выходцами из этой провинции, где и позднее набиралась большая часть регулярной армии, в частности, вся столичная гвардия¹⁰. Параллельно с Тханьхоа средний слой военно-феодальной знати нового типа складывался и в других провинциях страны, однако здесь он был менее многочисленным.

Владельцы *куандиенов* были тесно связаны с крупной военной знатью — владельцами *тыдиенов*, которые были их воинскими начальниками, а также зачастую земляками и покровителями. Этому способствовала структура армии Дайвьета в XV в., в соответствии с которой отдельные подразделения создавались по географическому принципу, и их командный и офицерский состав, как правило, включал уроженцев одних и тех же мест, а иногда и многочисленных родственников. Через подчиненных им владельцев *куандиенов* крупная военно-феодальная знать получила возможность устанавливать свой контроль над общинами, которую не имели владельцы прежних *чангдиенов*. На этой базе в Дайвьете стали формироваться устойчивые объединения, условно называемые военно-феодальными группировками. Они состояли из крупной военно-поместной знати, представляющей один или несколько объединенных в союз родов и многочисленной средней военно-феодальной прослойки и опирались на контролируемые через средние слои феодалов общины, формально считавшиеся свободными. К концу XV в. влияние некоторых группировок распространилось на целые уезды и даже более крупные районы.

В отличие от гораздо более аморфного гражданского чиновничьего аппарата Дайвьета, военно-феодальные группировки имели четкую структуру и стабильную иерархию входивших в них феодалов, которые зачастую не изменялись годами. Переход профессиональных военных из одной группировки в другую был крайне редок. Нечастым явлением было и возвышение отдельных деятелей в рамках уже сформировавшихся группировок. Это определялось широким распространением к концу XV — началу XVI вв. наследования конкретных должностей и полномочий в армии в рамках феодальных родов, что было не характерно для гражданских чиновников. *Тыдиены* не были для высших слоев военно-поместной знати единственным источником экономического могущества. В период службы в императорской армии военные

чиновники, так же как и гражданские, получали от государства *локдиены*, а также другие привилегии и доходы, поступления от которых в целом были больше, чем поступления от наследственных земель. Еще более сложным в этом отношении было положение средних слоев военных феодалов, для которых потеря места в армии грозили потерей *куандиенов* и резким ослаблением позиций в общине. В таких условиях одним из важнейших устремлений феодалов, зачастую превалирующим над другими целями, было закрепление наследственных прав своей семьи на места в армии, занимаемые ее представителями. Хотя государство официально не признавало прав наследования военных должностей, указанный принцип к концу XV в. стал носить, видимо, все более массовый характер. Это обстоятельство объяснялось клановостью дайвьетской армии, широким распространением в отдельных ее подразделениях причудливо переплетенных родственных, земляческих и других связей. Крупные феодалы, как правило, стремились сохранить вокруг себя людей из преданных им родов. Кроме того, немотивированное покушение на обычное право наследования даже одной семьи средних феодалов косвенно ставило под сомнение гарантию подобного права всех остальных и могло серьезно подорвать авторитет военачальника. Со своей стороны средние военно-феодалы в рамках того или иного подразделения дайвьетской армии были гарантами наследования воинских полномочий потомками их лидера, так как приход на пост командующего «нового человека», не связанного с ними никакими обязательствами, был для них крайне нежелателен, поскольку угрожал их положению.

Отличительной чертой военно-феодалов группировок, особенно на ранних этапах их формирования, была также тесная взаимосвязь средних и мелких феодалов, с одной стороны, и рядовых общинников, контролируемых ими общин, с другой. В своей массе армия в тот период состояла из простых крестьян, отрываемых от своих занятий на период походов и отбывавших воинскую повинность под командованием феодалов, из тех же, что и они, районов. Разорение или ослабление общинников немедленно отрицательно сказывалось на боеспособности войск, поэтому военная знать стремилась по возможности основной доход получать за счет военной добычи (в том числе путем ограбления своих соотечественников в других районах), а не за счет усиления прямой феодальной эксплуатации фактически зависимых от них крестьян. Это обстоятельство определило также повышенную военную активность (своеобразный «милитаризм») группировок.

При первых императорах династии Поздних Ле военно-феодалы были одной из главных опор центральной власти и определяли высокие боеспособность и уровень организованности армии страны и, как следствие, ее многочисленные военные победы в этот период. Однако позже владельцы *куандиенов*, исчерпав возможности для дальнейшего обогащения, ограниченные рамками одной общины, и будучи практически лишенными в своем большинстве перспектив продвижения вверх внутри группировки в ее стабильном состоянии, стали искать новые пути для реализации своих экономических и политических претензий. Каждый отдельно взятый владелец *куандиена* был слишком слаб, поэтому действовать они могли лишь сообща, лишь в рамках своей группировки и лишь путем продвижения к власти в масштабах всей страны своих лидеров — вождей ведущих родов, владеющих *тыдиенами*. Эти лидеры, заняв более высокие посты в иерархии, т.е. возглавив более крупные военные единицы, как правило, немедленно стремились окружить себя преданными людьми их числа прежних сослуживцев. Это давало возможность повысить свой статус практически всем их сторонникам, и таким образом часть из них получала шанс превратиться из держателей *куандиенов* во владельцев *тыдиенов*. По всей вероятности, такой оборот событий был целью каждого представителя среднего слоя и побуждал их постоянно оказывать давление на лидеров своих группировок, принуждая их к борьбе за власть. Пассивный

лидер мог быстро лишиться поддержки своей группировки.

В первой четверти XVI в. власть военно-феодальных группировок на контролируемой ими территории стала настолько сильна, что они были в состоянии собрать здесь государственные войска даже без приказа из столицы и, опираясь на свой авторитет, использовать их полностью по своему усмотрению. Этот фактор играл решающую роль в резком ослаблении власти центрального правительства (особенно после смерти императора Ле Ты Тханя¹¹) и в превращении военной олигархии в доминирующую силу дайвьетского общества на весь последующий период вплоть до XVIII в. В первой четверти XVI в. Дайвьет захлестнула ожесточенная борьба за власть, которая чрезвычайно ускорила процессы концентрации военно-феодальной знати: отдельные группировки должны были либо подчиниться еще более крупным и мощным, либо попытаться стать самостоятельной политической силой и центром притяжения для других. В конце концов, такими стали род Маков из Нгизыонга (пров. Хайзыонг) на севере и род Нгуенов из Тонгшона (пров. Тханьхоа), а затем род Чиней из Виньфука (пров. Тханьхоа) на юге страны. Под знаком борьбы между этими союзами прошел весь остаток XVI в.

Одним из наиболее характерных примеров существования военно-феодальной группировки в Дайвьете является история рода Нгуенов из Тонгшона. Его основателем был ничем себя особо не проявивший военачальник Ле Лоя — Нгуен Конг Зуан, который получил за участие в разгроме китайцев большой надел земли в качестве *тыдиена*. Позднее он смог поставить под свой контроль весь уезд Тонгшон. Сын Нгуен Конг Зуана — Нгуен Дык Чунг продвинулся на еще более высокий пост в армии, приняв участие в возведении на престол императора Ле Ты Тханя и став родным дедом императора Ле Танга¹². Позиции группировки Нгуенов из Тонгшона стали настолько сильны, что только прямых родственников семьи лидера в командовании столичной гвардии насчитывалось более 200 человек.

После смерти Ле Танга и прихода к власти Ле Туана¹³ род Нгуенов и их союзники были изгнаны из столицы. Но они уже были настолько сильны, что смогли организовать государственный переворот, который возглавил сын Нгуен Дык Чунга — Нгуен Ван Ланг, и посадить на престол Ле Кая¹⁴. И позднее род Нгуенов продолжал играть одну из главенствующих ролей в политической жизни страны. В частности, следующий император Дайвьета — Ле И¹⁵ — пришел к власти, опираясь на военное могущество сына Нгуен Ван Ланга — Нгуен Хоанг Зу. Сын Нгуен Хоанг Зу — Нгуен Ким — возглавил один из двух наиболее мощных союзов военно-феодальных группировок, соперничавших на протяжении всего XVI в.¹⁶

Эволюция организации господствующего класса в XV — XVIII вв., несомненно, нуждается в специальном подробном исследовании, однако накопленный к настоящему времени материал уже позволяет охарактеризовать этот период как время господства «родовой» организации. Согласно периодизации вьетнамского феодализма, разработанной в отечественной вьетнамистике, XVI — XVIII вв. совпадают со второй стадией эволюции развитого феодализма. «Основным в ней было изменение структуры вьетской деревни, начало длительного, шедшего веками процесса расслоения фундамента вьетского развитого феодализма — общины-*са*»¹⁷. Соответственно этим изменениям в феодальном обществе и возникает описанный выше тип социальной структуры. Иной она стала в XIX в., когда Вьетнам перешел к поздним этапам феодальных отношений. В этот период происходит окончательный распад общинного землепользования¹⁸, основной фигурой господствующего класса становится «цивильный» помещик, а бюрократия и военные чиновники превращаются в платных служащих.

¹ Đại học (Да сюэ). Hà Nội, б.г., с. 13.

² Новая история Вьетнама. М., 1980, с. 599.

³ Из 1437 лауреатов конкурсов высшего уровня (*тиенши*), сдавших экзамены в период с 1442 по 1592 г., не менее 360 (25%) принадлежали родам, чьи представители получали эту степень из поколения в поколение. При этом следует учесть, что в источнике (Đại Việt lịch triều đấng khoa lục. Т.1. Sài-gòn, 1962., с.31–227) учитываются только близкие родственники и только лица, сдавшие экзамены высшего уровня.

⁴ Đại Việt lịch triều..., с.49–50, 53, 58. 62, 74, 92, 101, 102–103, 105, 127.

⁵ По требованиям конфуцианской этики чиновник должен был быть верен своему правителю. Практически все случаи сопротивления гражданских чиновников установлению новой династии известны, так как источники в назидательных целях уделяли особое внимание примерам верности. Так, Фан Хуи Тю насчитал в XVI в. (при переходе власти к династии Мак) всего 40 верных гражданских чиновников (*Phan Huy Chú. Lịch triều hiến chương loại chí*. Т.1. Hà Nội, 1960).

⁶ Новой по сравнению с прежней формой — феодально-бюрократическим централизованным государством.

⁷ Ле Тхай-то (1428–1433). Все дайвьетские императоры в статье названы их подлинными («табуированными») именами. В примечании даются «храмовые» имена с указанием дат правления.

⁸ Площадь наследственных земель, розданных при Ле Лое, была, несомненно, меньше, чем площадь *чангдиенов* XIV в., однако появились они сразу, были достаточно велики и на протяжении XV и последующих веков имели постоянную тенденцию к абсолютному и относительному росту.

⁹ *Тыдиен* — кроме собственно *тыдиенов* (частных земель) крупные феодалы Дайвьета имели также некоторые другие типы землевладений, в частности, «поминальные» земли, посвященные заслуженным военачальникам эпохи Ле Лоя, которые фактически также являлись наследственными владениями крупных феодальных родов и мало чем отличались от *тыдиенов*.

¹⁰ Несмотря на необходимость содержать большую часть армии, положение крестьян в Тханьхоа было даже легче, чем в других районах страны, так как они полностью освобождались от подушного налога, а уровень поземельного налога здесь был ниже, чем в дельте Красной реки, поскольку в абсолютном значении единица облагаемой налогом площади (1 *мау*) в Тханьхоа была в 1,3–2 раза больше, чем в более северных провинциях. Кроме того, в отличие от дельты, в Тханьхоа и более южных районах еще оставался резерв незанятых земель, пригодных для обработки.

¹¹ Ле Тхань-тонг (1460–1497).

¹² Ле Хиен-тонг (1497–1504).

¹³ Уи-мук-де (1505–1509).

¹⁴ Тьонг-зык-де (1509–1515).

¹⁵ Ле Тьеу-тонг (1516–1522).

¹⁶ *Phan Khoang. Việt sử: Xứ Đàng trong (1558–1777)*. Sài-gòn, 1970, с. 131–135.

¹⁷ Новая история..., с. 17.

¹⁸ Новая история..., с. 188.